

кая печать была не только главным источником информации о происходящем в стране, мире, на заводе, в городе или районе, но и инструментом проведения соревнований и кампаний, инициатором различных починов и т. д. В тяжелейших условиях войны средства массовой информации формировали уверенность в преимуществе существовавшего политического строя. Вместе с тем, отсутствие на страницах периодических изданий большого количества проблем, встававших перед советским обществом в конце 30-х – начале 40-х гг., демонстрирует пренебрежительное отношение власти к нуждам «простого человека», его заботам и трудностям.

Примечания

¹ Гуревич А.Я. К. Маркс и Ф. Энгельс – основоположники теории коммунистической журналистики. М., 1973. С. 49.

² О штатах областных, краевых и республиканских газет: Постановление ЦК ВКП(б) от 25 июля 1940 г. // Решения партии о печати. М., 1941. С. 192.

³ Здесь и далее использованы материалы архивов Уральского региона.

⁴ Время – газетной строкой. (Газета «Челябинский рабочий»). Челябинск, 1988. С. 22.; Камскова Т. Газеты Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны / Великая Отечественная война и Южный Урал. 1941–1945 гг. Сб. ст. и материалов. Оренбург, 1995. С. 66.

⁵ Великая. Отечественная. Народная. 1941–1945: Краткий исторический очерк. М., 1985. С. 121; Асфандиярова К. М. Деятели культуры Башкирской АССР на фронтах Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.). Свердловск, 1986. С. 177; История Урала. Период социализма. Пермь, 1965. С. 418.; Слобожанинова Л. Сказы – старины заветы. Екатеринбург, 2000. С. 118.

⁶ О районных газетах: Постановление ЦК ВКП(б) от 13 июля 1940 г. // Решения партии о печати... С. 190.; История Урала. Пермь, 1977. С. 266.; Печать СССР в 1939 г. Стат. материалы. М., 1940. С. XXII.

⁷ Аналогично складывалась ситуация и в других регионах Урала. Так, в газете «На сталинском пути» (Нагайбакский район Челябинской области) селькоровский актив насчитывал до 80 человек в 1941 г. Через 2 года он сократился до 20.

⁸ Калинин М.И. О корреспондентах и корреспонденциях. Из бесед с корреспондентами газеты «Известия» и Всесоюзного радиокомитета. // Партийное строительство. 1945. № 6. С. 17; Цит. по: Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 170.

*А.В. Любичанковский
(Оренбург)*

Южно-Уральские литературные ландшафты как объекты культурного наследия региона

Принятие Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» позволило включить в число охраняемых объектов культурные ландшафты, связанные с жизнью и творчеством великих

писателей и художников. Введение в правовое пространство представления о культурном ландшафте является методологически чрезвычайно важным, поскольку позволяет внести существенные коррективы в систему приоритетов охраны культурного наследия, перейти от охраны отдельных памятников истории и культуры к сохранению комплексных территориальных объектов культурного и природного наследия, связанных с выдающимися произведениями художественной литературы и изобразительного искусства.

В «Руководящих указаниях ЮНЕСКО» литературные ландшафты отнесены к ассоциативному типу, поскольку они ассоциируются с памятью об известных художниках, их жизни и творчестве (1). Многие из этих ландшафтов имеют чрезвычайно значимый информационный слой, созданный в результате литературного труда писателя или поэта. Особую ценность приобретают те ландшафты, в которых сохраняются материальные тела или явления — носители этой информации. Среди них могут быть природные и антропогенные элементы ландшафта, панорамы, пейзажи, отраженные в художественных произведениях, и даже реальные люди, когда-то жившие в этих местах, а впоследствии ставшие прообразами литературных героев и оставившие о себе память в материальных объектах и в воспоминаниях современников или в устных преданиях. Все это входит в представление о литературных культурных ландшафтах и может рассматриваться как часть наследия.

В современной науке уже сделан вывод о необходимости «выявления и определения статуса литературных ландшафтов, об их инвентаризации и паспортизации как достопримечательных мест, а в конечном счете – их сохранении» (2). Уральский региональный материал предоставляет обширные возможности в этой сфере. Приведем подтверждающие примеры, непосредственно связанные с творчеством С.Т. Аксакова и Т.Г. Шевченко.

Ярким примером литературного ландшафта является часть территории Бутурусланского района Оренбургской области, связанная с жизнью и творчеством известного писателя XIX века Сергея Тимофеевича Аксакова. В национальное культурное пространство названный литературный пейзаж вошел после выхода произведений С.Т. Аксакова «Семейная хроника», а также романов «Записки охотника» и «Записки об ужении рыбы». Все названные произведения написаны на местном материале и составляют художественно-краеведческую энциклопедию, в которой содержатся богатые сведения о природе и истории Южного Урала. Одаренный от природы тонкой наблюдательностью, С.Т. Аксаков носил в себе огромный запас живых впечатлений от родной природы и быта. С детства овладевший сокровищами живой русской речи, писатель умел великолепно рассказывать о том, что видел и знал, своим дру-

зьям и знакомым. Позднее он так же естественно изливал свои наблюдения и впечатления на бумаге.

Особое значение для формирования Аксакова-Художника имело оренбургское имение его деда С.М. Аксакова – село Аксаково (Знаменское), расположенное на речке Большой Бугуруслан. Описание этого места в произведениях С.Т. Аксакова является важным источником по истории быта, культуре повседневности южно-уральских помещиков XIX в.

Примером именно литературного ландшафта могут служить те места, что описаны в книге С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»: «Я видел в окошко, что сестрица гуляла с нянькой Агафьей по саду, между разросшимися, старыми, необыкновенной величины кустами смородины и барбариса, каких я ни прежде, ни после не видывал; я заметил, как выпархивали из них птички с красно-желтыми хвостиками... В саду я увидел, что сада нет даже и такого, какие я видел в Уфе. Это был скорее огород, состоявший из одних ягодных кустов, особенно из кустов белой, красной и черной смородины, усыпанной ягодами, и из яблонь, большую часть померзших прошлого года, которые были спилены и вновь привиты черенками; все это заключалось в огороде и было окружено высокими навозными грядками арбузов, дынь и тыкв, бесчисленным множеством грядок с огурцами и всякими огородными овощами, разными горохами, бобами, редькою, морковью и проч. Вдобавок ко всему везде, где только было местечко, росли подсолнечники и укроп, который там называли «копром», наконец, на ложине, заливаемой весенней водой, зеленело страшное количество капусты... Вся эта некрасивая смесь понравилась, нравится даже и теперь, и, конечно, гораздо более подстриженных липовых или березовых аллей и несчастных елок, из которых вырезают камоды, пирамиды и шары. С правой стороны, возле самого дома, текла быстрая и глубокая река, или речка, которая вдруг поворачивала налево, и таким образом, составляя угол, с двух сторон точно огораживала так называемый сад» (3, с. 274). «Комната мне чрезвычайно нравилась; ... она была угольная и одною своей стороной выходила на реку Бугуруслан, который и зимой не замерзал от быстроты течения и множества родников. Он круто поворачивал против самых окон. Вид в снегах быстро бегущей реки, летняя кухня на острове, высокие к ней переходы, другой остров, с большими и стройными деревьями, опущенными ивеем, а вдали выпукло утесистая Челябинская гора – вся эта картина произвела на меня приятное, успокоительное впечатление. В первый раз почувствовал я, что и вид зимней природы может иметь свою красоту» (3, с. 351–352).

В настоящее время, когда имение Аксаковых реставрировано и является туристическим объектом, на наш взгляд, чрезвычайно

важно сохранить описанные писателем литературные ландшафты, что позволит не только усилить эмоциональное восприятие от литературного произведения, оценить точность и яркость языка и наблюдательность писателя, но и будет способствовать воспитанию патриотизма и любви к природе и истории Уральского региона, его неповторимой самобытной культуре.

Украинский поэт Т.Г. Шевченко, в отличие от С.Т. Аксакова, оказался на Южном Урале по приговору суда: за участие в революционной деятельности он был сослан в Отдельный Оренбургский корпус солдатом. За годы солдатчины он более года в общей сложности прожил в Оренбурге, год – в Орской крепости, несколько лет – в Раиме и Кос-Арале на Аральском море. Оренбургскому краю Т.Г. Шевченко посвятил страницы русских повестей «Близнецы», «Несчастный», «Варнак», а также записи в Дневнике и строки переписки. Повести являются автобиографическими, а значит, описанные в них ландшафты можно с полным правом отнести к литературным.

Так, историк может увидеть Орскую крепость глазами героя повести «Близнецы» лекаря С. Сокиры: «Подвигаясь ближе и ближе по широкому, едва зеленым подернутому лугу, я ясно уже мог различать крепость: белое пятнышко – это была небольшая каменная церковь на горе, а красно-бурая лента – это были крыши казенных зданий, как-то: казарм, цейхгаузов и прочая. Переехавши по деревянному, на весьма жидких сваях мостику, мы очутились в крепости. Это обширная площадь, окруженная с трех сторон каналом, аршина в три шириною да валом с соразмерною вышиною, а с четвертой стороны – Уралом. Вот вам и крепость. Недаром ее киргизы называют Яман-Кала [казах., «гиблое место»]. По-моему это самое приличное ей название» (4, с. 97–98).

Художественное описание Орской крепости Т.Г. Шевченко дает не только в повести «Близнецы», но и в повести «Несчастный». Здесь крепость описывает другой герой – офицер, оказавшийся в Орской крепости по собственной воле: «Крепость Орскую местные киргизы называют Яман-Кала. И это название чрезвычайно верно определяет физиономию местности и самой крепости. Редко можно встретить подобную бесхарактерную местность. Плоско и плоско... Крепость Орская как нельзя более в гармонии с окружающей ее местностью. То же однообразие и плоскость. Только и отделяется немного от общего колорита крепости – это небольшая каменная церковь на горе, заметьте, на яшмовой горе. Под горою с одной стороны лепятся грязные татарские домики. А с другой стороны, кроме таких же грязных домиков, инженерный двор с казематами для каторжников. Против инженерного двора длинное низенькое бревенчатое строение с квадратными небольшими окошками: это ба-

талионные казармы, примыкающие одним концом к деревянному сараю, называемому экзерцисгауз, а другим концом выходящие на четырехугольную площадь, украшенную новой каменной церковью и обставленную дрянными деревянными домиками... «Где же самая-то крепость?» – спросите вы. Я сам два дня делал такой же вопрос, пока на третий день... не вышел в поле, по направлению к меновому двору, и не увидел едва приподнятой насыпи и за ней канал. Канал и насыпь сравнительно того рва, которым у нас добрый хозяин окапывает свое поле. Вот вам и второклассная крепость» (5, с. 269).

В повести «Варнак» Т.Г. Шевченко описывает внутренний вид помещения, в котором некоторое время жил его герой в местечке Соляная Защита (ныне – город Соль-Илецк). Оно принадлежало жителю Оренбургской губернии – выходцу из Малороссии. Описание представляет огромный этнографический интерес, особенно в контексте развития такого многонационального региона, как Южный Урал: «...Мы подошли к небольшому беленькому домику, соломой крытому... Внутренность хаты, как и наружность ее, напоминала Малороссию. Стены вымазаны белой, а пол желтой глиной и усыпан ароматными травами. Вокруг стен чистые широкие дубовые лавы. А перед образом всех скорбящих матери теплилась лампада и стоял налож, покрытый чистым белым, с широкою бахромою полотенцем. ...Везде во всем видно было порядок доброго хозяина..., все было чисто и привлекательно. Комната была разделена на две половинки узкою, длинною печкой вместо перегородки. А печка украшена лепными арабесками домашнего художества. (Такие печи можно видеть на Волыни и в Подолии). В углу перед образами стоял стол, покрытый бухарским ковром и сверху белой скатертью. На столе лежал ржаной хлеб, вполовину покрытый тонким белым полотенцем, вышитым разными цветными шелками; около хлеба стояла фаянсовая солонка с белой, как рафинад, солью... Между окнами на стене висел в позолоченной рамке эстамп, выгравированный Миллером с картины Доменикино Цампиери, изображающий Иоанна Богослова» (6, с. 133–134). Это практически документальное описание быта украинца в Оренбургской губернии в середине XIX в. – ценный источник по истории повседневной жизни жителей региона.

Таким образом, литературные ландшафты Южно-Уральского региона, прочно связанные как с историей и культурой края, так и с творчеством выдающихся отечественных писателей, представляют собой доселе малоизученный, но весьма информативный источник по истории культуры региона. Являясь одновременно объектами культурного наследия России, они настоятельно требуют научного изучения историками, этнографами, литературоведами, географами, нуждаются в систематизации и, по возможности, сохранении.

Примечания

1. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC. UNESCO, 1999.
2. Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.
3. Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1982. С. 29–30.
4. Шевченко Т.Г. Близнецы // Сочинения. В 5-ти тт. Киев, 1978. Т. 4. С. 5–133.
5. Шевченко Т.Г. Несчастный // Сочинения. В 5-ти тт. Киев, 1978. Т. 3. С. 269–327.
6. Шевченко Т.Г. Варнак // Сочинения. В 5-ти тт. Киев, 1978. Т. 3. С. 130–165.

*Н.Н. Макарова
(Магнитогорск)*

Культурная сфера Магнитогорска в начале 1930-х гг.

Развертывание работ по культурному строительству в Магнитогорске началось с момента организации горсовета в сентябре 1930 г. (1, л. 110). До этого времени, несмотря на то, что строительство металлургического завода и города имело более чем годовую историю, а население города составляло около 30 тысяч человек (5, с. 57), сеть культурных учреждений практически отсутствовала. Первая попытка создать базу для развертывания культурно-массовых мероприятий была предпринята 15 марта 1930 г., когда начальник «Востокосталь» И.В. Косиор издал соответствующий приказ. Однако качественных изменений не произошло. Весной 1931 г. на Магнитострое побывал Нарком просвещения А.С. Бубнов и 10 апреля 1931 г. издал специальный приказ «О культурной работе на Магнитострое» (4, с. 7).

Официальные приказы и реальная ситуация в городе в отношении культурного строительства существенно различались. Среди основных направлений культурной работы и организации зрелищных мероприятий в Магнитогорске можно выделить строительство клубов, театра и цирка, организацию кинопросмотров, развитие библиотечного дела и средства массовой коммуникации, среди которых на Магнитострое первостепенную роль играли пресса и радио.

Клубы в Магнитогорске появились в 1930 г. На 1 сентября 1930 г. в городе было два клуба временного типа, 1 января 1931 г. – три, а к началу 1932 г. планировалось открыть еще один клуб (1, л. 113). Клубы временного типа представляли собой здания – бараки примитивной конструкции, которые в большинстве случаев не отапливались. К тому же клубов было настолько мало, что горожане не могли попасть на мероприятия, организованные Горсоветом или Горно. В книге Николая Маркевича «Рождение гиганта» достаточ-